

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.61-70

**«НЕУПРАВЛЯЕМАЯ ИМПЕРИЯ»
VS «СОЛОМЕННОЕ ЧУЧЕЛО НА ОГОРОДЕ»
(конструирование образа С.Ю. Витте
на страницах «Воспоминаний»)**

И.Н. Веревкина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, 614990, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены воззрения одного из наиболее авторитетных и высокопоставленных сановников Российской империи рубежа XIX – XX вв. на предмет конструирования собственного образа публичного политика в мемуарной рефлексии. Материалом исследования являются «Воспоминания» С.Ю. Витте, неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве литературы и искусства и материалы периодической печати. Выявлено существенное различие в саморепрезентации С.Ю. Витте как министра финансов и как премьер-министра. Особое внимание уделяется анализу тактических приемов автора мемуаров в борьбе за собственную положительную репутацию в публичном политическом пространстве России. Сделан вывод о том, что в зависимости от внешних конъюнктур С.Ю. Витте выстраивает собственный образ через виктимизированный нарратив, альтернативный взгляд на ситуацию или усиление своих положительных характеристик.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, мемуары С.Ю. Витте, Российская империя, образы власти, публичная политика

Масштабные преобразования начала XX в. не могли не коснуться Российской империи. Эти изменения оказали влияние на все области общественного развития, включая политику и государственное управление. Следствием развития средств массовой информации и появления новых каналов коммуникации стало формирование публичного политического пространства и возникновение феномена публичной политики и публичного политического деятеля.

С.Ю. Витте был одним из первых высших российских сановников начала XX в., демонстрировавших элементы публичного политического поведения [1, с. 74]. Будучи влиятельным бюрократом, он осознавал силу печатного слова и прилагал огромные усилия, чтобы расположить к себе аудиторию крупной повременной печати – газет «Новое время», «Московские ведомости», «Биржевые ведомости» и других [2, с. 7]. Американский историк Ф. Вчисло, указывая на

умелое использование С.Ю. Витте редакционных инсинуаций в желтой прессе, видел в сановнике «манипулятора общественным мнением»¹ [3, р. 3].

Еще в начале своей карьеры С.Ю. Витте осознавал масштабы влияния периодической печати на формирование общественного мнения, создание репутации и умело пользовался ресурсами прессы в собственных интересах, что находит подтверждение в сохранившихся материалах из центральных архивов. В Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ) сохранилась переписка С.Ю. Витте с А.С. Сувориным, издателем «Нового времени» – одной из наиболее влиятельных газет рубежа XIX – XX вв. В одном из первых писем российский государственный деятель представил себя «в качестве племянника и одного из наиболее близких людей к покойному Ростиславу Андреевичу Фадееву» (РГАЛИ1, л. 3). В более позднем письме, датированном 1899 г. (год переезда из Киева в Петербург), С.Ю. Витте спрашивал у А.С. Суворина, не сочтет ли тот возможным передать брошюру о национальной экономии Фридриха Листа авторства С.Ю. Витте, напечатанную в Киеве, в книжный магазин А.С. Суворина (РГАЛИ1, л. 1).

В РГАЛИ сохранилась также рукописная копия письма С.Ю. Витте редактору «Московских ведомостей» С.А. Петровскому, датированная 17 ноября 1888 г. В письме Сергей Юльевич эмоционально отреагировал на статью журналиста Д.И. Пихно, в которой тот опроверг готовящееся назначение российского сановника на должность главы Департамента железнодорожных дел при Министерстве финансов. С.Ю. Витте писал: «Конечно, найдутся друзья, которые перепечатают его возражение в столичных газетах. На этот случай может быть следовало бы опровергнуть возражение этой собачки»² (РГАЛИ2, л. 1).

После своей отставки с должности председателя Совета министров, когда С.Ю. Витте потерял поддержку императора и возможность пользоваться испытанными приемами бюрократического властвования, публицистическая деятельность стала для отставного сановника важнейшим тактическим приемом в борьбе за общественное мнение [4, с. 11].

«Воспоминания» С.Ю. Витте представляют собой уникальный исторический источник, поскольку это не эпический рассказ о прошлом человека, навсегда покинувшего политическую сцену и занявшего место стороннего наблюдателя. До последнего дня своей жизни автор мемуаров оставался увлеченным и страстным политиком, не терявшим надежды вернуть утраченное влияние и власть [5, с. 3].

Фигура С.Ю. Витте достаточно хорошо изучена в историографии, причем в фокусе внимания исследователей находились самые разные аспекты его биографии и государственной деятельности. Однако проблематика самоидентификации и конструирования собственного образа государственного деятеля на страницах «Воспоминаний» учеными не затрагивалась.

Методологической основой настоящей работы является междисциплинарная исследовательская парадигма перформативного поворота. Суть его как методологического конструкта заключается в том, что внимание исследователя смещается с текста и значения на перформативную практику [6, с. 42]. Помимо

¹ Перевод наш. – *И.В.*

² Здесь и далее пунктуация в цитатах дана в соответствии с нормами современного русского языка, орфография источника сохранена. – *И.В.*

трудов «классиков» перформативного поворота (К. Бёрка [7], В. Тёрнера [8], К. Гирца [9], Дж. Остина [10], М. Бахтина [11], Ю. Лотмана [12] и др.), в настоящем исследовании также применяется теория «сценариев власти» Р. Уортмана [13]. Задачей исследования является анализ репрезентации С.Ю. Витте собственного образа публичного политика в мемуарной рефлексии.

На страницах «Воспоминаний» автор определяет себя как государственного служащего, сановника, которому не было равных по масштабу личности и управленческим талантам. В попытке конструирования образов Витте-сановника автор стремится опровергнуть широко распространенные в общественном мнении и тиражируемые в СМИ отдельные характеристики своей репутации.

Анализируя самоидентификацию С.Ю. Витте в мемуарах, необходимо учитывать, что исследователь имеет дело не с «образом», а с «образами», поскольку за более чем пятнадцатилетний период пребывания в высших эшелонах власти изменялись как социально-политические и экономические конъюнктуры, так и ипостась, и репутация самого Сергея Юльевича в большой политике. В соответствии с внутри- и внешнеполитической обстановкой он выбирал те или иные орудия и инструменты политической борьбы. После 1906 г. у отставного сановника в качестве первых оставались только публицистическая деятельность и мемуары, а в качестве последних – конструирование собственных образов в публичном политическом пространстве.

Со вступлением в 1892 г. С.Ю. Витте в должность главы финансового ведомства началась новая эпоха в государственной жизни дореволюционной России – «эпоха Витте» [14, с. 76]. Возглавляя финансовое ведомство и являясь *de jure* лишь одним из высших сановников, *de facto* он был чуть ли не первым министром, наделенным огромной властью и неограниченными материальными ресурсами [4, с. 77].

Мемуарист высоко оценивал собственную работу на посту главы финансового ведомства и конструировал образ успешного, влиятельного сановника, под чьим руководством осуществлялись важнейшие мероприятия, направленные на укрепление финансового благосостояния Российской империи, и принимались ключевые политические решения. Безусловно, 11 лет пребывания в должности министра финансов являются ключевым периодом в биографии государственного деятеля, однако следует акцентировать внимание на социально-политических и экономических конъюнктурах Российской империи, которые с 1892 по 1903 г. претерпели существенные изменения.

В период царствования Александра III и начала царствования Николая II С.Ю. Витте действительно находился в зените своего политического могущества. В первые годы молодой император Николай II придерживался политики своего отца. Из министров он особенно полагался на С.Ю. Витте, который предусмотрительно сблизился с Николаем в бытность его цесаревичем [13, с. 462]. Именно в 90-е годы XIX в. министром финансов были осуществлены важнейшие экономические преобразования. По утверждению самого Сергея Юльевича, в отношении поддержания равновесия бюджета Николай II оказывал ему полное доверие (Витте1, с. 533). В Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) сохранилась копия письма Николая II С.Ю. Витте от 24 февраля 1898 г., в котором он пишет следующее: «Вы неуклонно руководствуетесь

предначертаниями в Бозе почившего Родителя МОЕГО и МОИМИ о соблюдении необходимой бережливости в финансовом хозяйстве НАШЕЙ Империи» (РГИА1, л. 1–1об.).

Однако в начале XX в. экономическое и социально-политическое положение в Российской империи претерпело существенные изменения. В «Воспоминаниях» С.Ю. Витте уделено достаточно пристальное внимание внутри- и внешнеполитическим конъюнктурам накануне Русско-японской войны, ставшей следствием его ухода с должности министра финансов (Витте1, с. 530).

Будучи в отставке и ведя борьбу за благосклонность общественного мнения, С.Ю. Витте широко использовал тему дальневосточной политики России. В 1911 г. отставной министр даже опубликовал в типографии И.Д. Сытина работу «Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией» (Витте2). Конструирование образа сановника, который был против заведомо провальной активной внешней экспансии на Дальнем Востоке и пытался предотвратить кровопролитную Русско-японскую войну, было важнейшим компонентом упрочения собственной положительной репутации в глазах общества.

Последовавшее после отставки с должности министра финансов назначение на должность председателя Комитета министров сам С.Ю. Витте характеризовал как «высшее назначение на бездеятельное положение» (Витте1, с. 530). Общественное мнение оценивало новое назначение как «падение вверх». Должность председателя Комитета министров не была привлекательна для деятельных чиновников, а была своего рода синекурой, не подразумевавшей существенной роли в процессе принятия важнейших политических решений. В данной должности высшие сановники – предшественники С.Ю. Витте (М.Х. Рейтерн, Н.Х. Бунге, И.Н. Дурново) «доживали свой век», не имея шанса вернуться к активной государственной деятельности [15, с. 189–190].

Однако именно будучи председателем Комитета министров, С.Ю. Витте был назначен главой российской делегации на переговорах в Портсмуте. Сам Сергей Юльевич высоко оценивал дипломатические успехи, достигнутые на этих переговорах, и отмечал, что «если бы не был заключен Портсмутский мир, то последовали бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых» (Витте1, с. 1031).

В описании факта своего назначения главой делегации на переговорах в Портсмуте С.Ю. Витте хотел усилить свои положительные характеристики и подтвердить свою репутацию высшего сановника, которому не было равных по масштабу личности и управленческим талантам. «Когда нужно было выйти из постыдного положения, явившегося последствием позорной войны, и никто не хотел брать на себя тяжелой миссии заключить мир, то государь должен был в конце концов обратиться ко мне с просьбой поехать в Америку» (Витте1, с. 1031).

После «Портсмутского триумфа» последовали события 17 октября 1905 г. и новое назначение на должность премьер-министра переходного правительства. Э.О. Сагинадзе отмечает, что, с одной стороны, в условиях революции предшествующая репутация сановника (речь идет о репутации С.Ю. Витте как министра финансов) определяла многое в отношении к С.Ю. Витте-премьеру и именно образ «всесильного и жесткого бюрократа открыл ему дорогу во власть»; с другой стороны, именно репутация государственного деятеля «не в меньшей степени,

чем его политические шаги», влияла на отношение к С.Ю. Витте-премьеру, и отчасти именно репутация «погубила его на новом посту» [4, с. 67].

О своем назначении на должность председателя Совета министров С.Ю. Витте писал следующее: «Одобрение моей программы в форме резолюции “принять к руководству” и подписание манифеста 17 октября, который в высокаторжественной форме окончательно и бесповоротно вводит Россию на путь конституционный, т. е. в значительной степени ограничивающий власть Монарха и устанавливающий соотношение власти Монарха и выборных от населения, отрезали мне возможность уклониться от поста председателя Совета министров, т. е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции» (Витте1, с. 813). Сергей Юльевич резюмирует: «...Я очутился у власти вопреки моему желанию... <...> потому, что все другие симпатичные монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых противоречивых мер и событий» (Витте1, с. 813).

Фраза «вопреки моему желанию» (по отношению к назначению на новый государственный пост) встречается в мемуарах не впервые. Так отзывался Сергей Юльевич и о своем назначении на должность директора департамента железнодорожных дел (Витте1, с. 160). Можно сделать вывод о том, что мемуарист таким образом пытается через альтернативную трактовку ситуации отрешиться от тиражируемого (в том числе в СМИ) образа С.Ю. Витте – властолюбца и карьериста, готового любой ценой получить новую должность.

Российский сановник проводил параллели между получением поста председателя Совета министров и назначением главой российской делегации на переговорах в Портсмуте: «...Волею Государя... брошен в костер»; С.Ю. Витте был убежден в схожести обстоятельств, предшествующих назначению (Витте1, с. 813). Так мемуарист конструировал собственный образ «спасителя России», к которому государь обратился за помощью в самый критический момент (Витте1, с. 1031).

Общественно-политическую жизнь Российской империи на момент вступления в должность премьера С.Ю. Витте характеризовал так: «Я вступил в управление империей при полном ее если не помешательстве, то замешательстве» (Витте1, с. 867). Мемуарист также указывал на «общее полное недовольство существующим положением», объединившее все классы населения, но при этом отмечал, что желаемые преобразования представлялись различными (Витте1, с. 867).

О периоде своего премьерства С.Ю. Витте писал как о времени воцарения полного хаоса и неразберихи, с которой ему приходилось справляться одному: «...Я был лишен возможности составить новое министерство, сочувствующее 17-му октября или, по крайней мере, понимающее его неизбежность в течение ближайших недель. <...> ...Я должен был в это время один управлять Россией – Россией поднявшеюся, революционировавшеюся не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом Империи, составляющей чуть ли не 1/6 часть всей земной суши с 150 миллионным населением. <...> ...В первые недели после 17-го октября проявилась полная дезорганизация власти, как говорится, “кто шел в лес, а кто по дрова”, одним словом, можно сказать, действовала сломанная неорганизованная власть, которую потом окрестили растерянной властью» (Витте1, с. 824).

В правительстве С.Ю. Витте министром внутренних дел был крайне непопулярный в обществе П.Н. Дурново. Общественным мнением оба сановника воспринимались как соратники, об этом свидетельствуют многочисленные политические карикатуры, а также материалы перлюстрации [2, с. 93–105]. В провинциальной газете «Приазовский край» неизвестный журналист вспоминал о трансформации мнения С.Ю. Витте о министре внутренних дел. Так, в октябре 1905 г. Сергей Юльевич называл П.Н. Дурново «самым либеральным из сановников», но накануне своей отставки С.Ю. Витте уже говорил, что «министерство и конституция сгубили Дурново» и «пусть история знает, кому мы обязаны провалом лучших надежд» (П.к.). На восклицания журналиста о том, что кандидатура П.Н. Дурново была выбрана им самим, С.Ю. Витте ответил следующее: «Почему же я не знал, что он, такая овца, превратится в волка? Он принял позу самостоятельности. Мы грызлись с ним все 11 месяцев» (П.к.).

В «Воспоминаниях» подобных свидетельств нет. На страницах мемуаров, Сергей Юльевич отрицает эволюцию собственного мнения о министре внутренних дел: «Изменил ли я свое мнение относительно П.Н. Дурново? – Нисколько. Я никогда не считал его человеком твердых этических правил, я в нем ценил и продолжаю ценить ум, опытность, энергию и трудоспособность, но, конечно, Дурново человек не принципов» (Витте1, с. 852). Этой характеристикой автор стремился оправдать свой ошибочный выбор министра внутренних дел.

За непродолжительный период премьерства С.Ю. Витте также приобрел репутацию сторонника силового подавления революции и в политических карикатурах того периода часто помещался рядом с самыми одиозными фигурами, имевшими репутацию «палачей революции» (Д.Ф. Трепова, Ф.В. Дубасова и др.) [2, с. 106–131].

В РГИА сохранилась копия телеграммы из Харькова на имя графа Витте от 21 декабря 1905 г., в которой говорится о подавлении революционной организации артиллерийским и ружейным огнем, число убитых и раненых составило около ста двадцати человек (РГИА2, л.1). Что касается «Воспоминаний», С.Ю. Витте не отрицает факт силового вмешательства в ситуацию. Однако в эпизоде, связанном с подавлением революции, он конструирует свой образ как фигуру не главного политического актора, принимающего ключевые политические решения, а невольного заложника внешних обстоятельств: «...Наступила революция, которую мне пришлось подавить как вопреки моему желанию назначенному председателем Совета министров» (Витте1, с. 663).

На страницах «Воспоминаний» С.Ю. Витте предпринял попытки конструирования собственного образа премьер-министра через призму виктимизированного нарратива. Сановник репрезентировал себя как объект всеобщей травли, от которого отвернулись все, и «козла искупления», на которого «свора псов черной масти была спущена при молчаливом соизволении Его величества» (Витте1, с. 555). При этом Сергей Юльевич отмечал, что ни старые, ни новые методы властвования не работали, он с горечью резюмировал: «...Ожидать помощи от помутившейся прессы я не мог» (Витте1, с. 818), «...Правые организации не без ведома Царского Села, если не Императора, организовали против меня охоту, как на дикого зверя, посредством адских машин, бомб и револьверов...» (Витте1, с. 825).

Последовавшую вскоре после назначения отставку автор мемуаров характеризовал как обдуманное и в данной ситуации единственно верное решение. Он писал о том, что через три-четыре месяца после 17 октября «внутренне решил уйти с поста премьера» (Витте1, с. 1018), поскольку не считал возможным «играть роль соломенного чучела на огороде» (Витте1, с. 609) и не желал быть «игрушкой в руках всей тайной и явной камарильи» (Витте1, с. 557).

С.Ю. Витте подчеркивал, что, прежде чем уйти в отставку, он завершил работу над законопроектами, явившимися следствием манифеста 17 октября, которые должны были быть готовы к открытию Государственной думы (Витте1, с. 1018), и совершил заем, который являлся делом «чрезвычайной важности» (Витте1, с. 953). Довольно подробное описание душевных терзаний и работы над законопроектами и совершением займа можно интерпретировать как попытку мемуариста представить альтернативное видение ситуации и опровергнуть достаточно часто встречающееся в СМИ толкование отставки С.Ю. Витте как «бегства с тонущего корабля» (например, на страницах «Нового времени» А.С. Суворин сравнил отставку премьер-министра с «отъездом главнокомандующего с поля сражения накануне генеральной битвы» (Н.в.)).

Анализируя способы саморепрезентации С.Ю. Витте на страницах мемуаров, можно сделать ряд выводов. В «Воспоминаниях» российский государственный деятель стремился развить положительные характеристики собственной репутации, сложившейся в общественном мнении. Даже недоброжелатели признавали масштаб его личности и управленческие таланты; особенно ярко данные черты своей репутации С.Ю. Витте изобразил в описании своих назначений на пост главы российской делегации в Портсмуте и на должность премьер-министра. Помимо масштаба личности и управленческих талантов, в мемуарах раскрывается смелость и решительность главного героя: образ С.Ю. Витте – это выдающийся государственный деятель, благородно служивший на благо России, не испугавшийся принять основной удар на себя и урегулировать проблемы в самые критические для России моменты. Автор «Воспоминаний» предпринял попытку изменить прочно закрепившиеся за ним в общественном мнении нелестные характеристики (властолюбца-карьериста и сановника, «бегущего с тонущего корабля») через описание альтернативного видения ситуации.

Что касается непродолжительного срока премьерства, принятия непопулярных мер и репутации опального сановника, то С.Ю. Витте «спасает» собственный имидж при помощи конструирования виктимизированного нарратива («соломенное чучело на огороде»). Он представил себя в образе «безвластного» объекта всеобщей травли, от которого отвернулись все, включая императора, и который стал мишенью для бомб и револьверов: крайне неблагоприятные внешние конъюнктуры («неуправляемая империя») не позволили ему в полном объеме осуществлять властные полномочия и реализовать свои управленческие таланты.

Источники

Витте1 – *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1247 с.

Витте2 – *Vitte С.Ю.* Вынужденные разъяснения по поводу отчета Ген.-Ад. Куропаткина о войне с Японией. – М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 106 с.

- РГИА1 – Письмо имп. Николая II, имп., Витте С.Ю. об отпуске 90000000 рублей на потребности военного судостроения и предшествующих мерах экономии, сделавших возможным осуществить столь крупное ассигнование, не прибегая к заключению займа // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622 Оп. 1. Д. 19. 1 л.
- РГИА2 – Доклады председателя Совета министров Николаю II о революционных событиях в стране с приложением копий телеграмм губернаторов. 21 ноября 1905 г. – 9 апр. 1906 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп.1. Д. 83. 38 л.
- РГАЛИ1 – Письмо Витте Сергея Юльевича А.С. Суворину // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. 115 л.
- РГАЛИ2 – Письма Витте С. Ю., Салиаса Гр., Соловьева М., Победоносцева К.П., Феоктистова Е.М., Завалишина Д., Кочетова Е. и др. к Петровскому Сергею Александровичу // РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447. 264 л.
- П.к.– Воспоминания о П.Н. Дурново // Приазовский край. – 1915. – 16 сент.
- Н.в.– Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. – 1906. – 21 апр.

Литература

1. *Кирьянов И.К.* «Ното politicus» и публичный политик в России начала XX века // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2004. – № 3. – С. 70–78.
2. «Глава прАВИТТельства»: первый премьер-министр Российской империи Сергей Юльевич Витте в сатирической графике 1905-1908 годов. [Альбом карикатур] / Авт.-сост. Э.О. Сагинадзе; науч. ред. А.А. Россомахин. – СПб.: Изд-во Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 240 с.
3. *Wcislo F.W.* Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. – 329 p.
4. *Сагинадзе Э.О.* Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. – М.: Новое лит. обозр., 2017. – 280 с.
5. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте – мемуарист. – СПб.: Изд-во РТ и Фор, 1994. – 95 с.
6. *Бахманн–Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое лит. обозр., 2017. – 502 с.
7. *Burke K.* A Grammar of Motives. – N. Y.: Prentice-Hall, 1945. – 517 p.
8. *Turner V.* Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. – Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1975. – 316 p.
9. *Geertz C.* Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. – 295 p.
10. *Остин Дж.* Три способа пролить чернила. Философские работы / Пер. с англ. В. Кирющенко. – СПб.: Алетейя, 2006. – 335 с.
11. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 541 с.
12. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). – СПб.: Искусство–СПБ, 1994. – 484 с.
13. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования: в 2 т. / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. – М.: Объед. гуманит. изд-во, 2004. – Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – 605 с.
14. *Мартынов С.Д.* Государственный человек Витте. – СПб.: Петрополис, ЛЮДОВИК, 2008. – 520 с.

15. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. – М.: Полит. энцикл., 2018. – 351 с.

Поступила в редакцию
23.08.2021

Веревкина Ирина Николаевна, аспирант кафедры истории и археологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614990, Россия
E-mail: *arina_verevkina@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 61–70

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.61-70

**“Ungovernable Empire” vs “Straw Scarecrow in the Garden”
(Constructing the Image of Sergei Witte in “Memoirs”)**

I.N. Verevkina

Perm State University, Perm, 614990 Russia
E-mail: *arina_verevkina@mail.ru*

Received August 23, 2021

Abstract

The article examines the views of one of the most authoritative officials at the turn of the 19th–20th centuries on the subject of constructing his own image of a public politician in memoir reflection. The main sources are Sergei Witte’s “Memoirs”, unpublished archival materials stored in the Russian State Historical Archive (RGIA) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), and periodical press materials. The methodological basis of this study is the interdisciplinary research paradigm of the performative turn. The results of a comparative analysis of the images of S. Witte during different periods of his government service are discussed. A significant difference is revealed in the self-presentation of S. Witte as the Finance Minister and as the Prime Minister. Special attention is paid to the analysis of the author’s tactics in the struggle for his own positive reputation in the public political space of the Russian Empire. The questions related to nuances of S. Witte’s appointments and resignations to the positions on civil service presented by him in the extremely subjective optics are considered. It is concluded that the author of the memoirs seeks to strengthen the positive components of his own image, constructs a reputation for himself as an outstanding civil servant, the “Savior of Russia” who surpassed the managerial talents of other statesmen. At that point, S. Witte tried to dissociate from the image of a power lover widely spread in the public opinion. Describing the short period of his premiership, the memoirist presents himself as a victim of general bullying, which did not allow him to fully realize his managerial abilities. Depending on external conjunctures, S. Witte built his own image through victimized narrative, alternative view of the situation or strengthening of his own positive characteristics.

Keywords: Sergei Witte, S. Witte’s memoirs, Russian Empire, images of power, public policy

References

1. Kir’yanov I.K. ‘Homo Politicus’ and a public politician in Russia in the early 20th century. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, 2004, no. 3, pp. 70–78. (In Russian)

2. Saginadze E.O. *“Glava pravITTEL’stva”*: *pervyi prem’er-ministr Rossiiskoi imperii Sergei Yul’evich Vitte v satiricheskoi grafike 1905–1908 godov* [“Head of the Government”: The First Prime Minister of the Russian Empire Sergei Witte in the Caricatures of 1905–1908]. Rossomakhin A.A. (Ed.). St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2020. 240 p. (In Russian)
3. Wcislo F.W. *Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 329 p.
4. Saginadze E.O. *Reformator posle reform: S.Yu. Witte i rossiiskoe obshchestvo. 1906–1915 gody* [The Reformer after the Reforms: Sergei Witte and the Russian Society. 1906–1915]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2017. 280 p. (In Russian)
5. Anan’ich B.V., Ganelin R.Sh. *S.Yu. Witte – memuarist* [Sergey Witte as a Memoirist]. St. Petersburg, Izd. RT i For, 1994. 95 p. (In Russian)
6. Bakhmann-Medik D. *Kul’turnye povoroty: novye orientiry v naukakh o kul’ture* [Cultural Turns. New Benchmarks in the Study of Culture]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2017. 502 p. (In Russian)
7. Burke K. *A Grammar of Motives*. New York, Prentice-Hall, 1945. 517 p.
8. Turner V. *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca, London, Cornell Univ. Press, 1975. 316 p.
9. Geertz C. *Negara: The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1980. 295 p.
10. Austin J.L. *Tri sposoba prolit’ chernila. Filosofskie raboty* [Three Ways of Spilling Ink: Philosophical Works]. St. Petersburg, Aleteiya, 2006. 335 p. (In Russian)
11. Bakhtin M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul’tura Srednevekov’ya i Renessansa* [Francois Rabelais’ Oeuvre and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khud. Lit., 1990. 541 p. (In Russian)
12. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoi kul’ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. The Life and Traditions of the Russian Nobility (18th–early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB, 1994. 484 p. (In Russian)
13. Wortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii: Materialy i issledovaniya* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Moscow, Ob’edinennoe Gumanit. Izd., 2004. 605 p. (In Russian)
14. Martynov S.D. *Gosudarstvennyi chelovek Witte* [Statesman Witte]. St. Petersburg, Petropolis, LYUODOVIK, 2008. 520 p. (In Russian)
15. Solov’ev K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: The Problem of Lawmaking]. Moscow, Polit. Entsikl., 2018. 351 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Веревкина И.Н. «Неуправляемая империя» vs «соломенное чучело на огороде» (конструирование образа С.Ю. Витте на страницах «Воспоминаний») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 61–70. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.61-70. ⟩

⟨ **For citation:** Verevkina I.N. “Ungovernable empire” vs “straw scarecrow in the garden” (constructing the image of Sergei Witte in “Memoirs”). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 61–70. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.61-70. (In Russian) ⟩